

"ТУРКМЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" ХАЛЫКА КОРОГЛЫ, КАК ОБОБЩАЮЩИЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Багиров Абузар

Доктор философии по филологии,
доцент Университета МГИМО
МИД РФ

"THE TURKMEN LITERATURE" HALYK
KOROGLU, A GENERALIZING WORK
ON THE HISTORY OF THE TURKMEN
NATIONAL LITERATURE

A. Bagirov

Annotation

The academic course-book "The Turkmenian literature" (1972) by Khalyk Korogly is reviewed in the article as the first and the only work in Russian, summarizing the subject. Firstly, there is given biographic data about the literary scholar, then goes the course-book text analysis and the appraisal of its structure and contents.

Keywords: Turkmenian literature, folklore, Soviet literary studies, Turkmenian poets.

Аннотация

В статье рассматривается академический учебник Халыка Короглы "Туркменская литература" (1972), как первый и единственный на русском языке обобщающий труд по данной теме. Вначале даётся биографическая справка о литературоведе, а затем анализируется текст учебника, оценивается его структура и содержание.

Ключевые слова:

Туркменская литература, фольклор, советское литературоведение, туркменские поэты.

Известный иранист, тюрколог, профессор МГУ им. Ломоносова Халык Гусейнович Короглы родился в 1919 году в Ашхабаде, детские годы провёл в Туркмении. В совершенстве владел азербайджанским, турецким, персидским, русским языками, хорошо знал арабский, английский и французский языки. Его родители переселились в Туркмению из Южного Азербайджана из города Ардебилля.

В конце 1930-х годов он переехал на постоянное жительство в Москву, поступил на лечебный факультет Первого Московского медицинского института и параллельно начал работать на разных курсах преподавателем персидского языка. В 1946 году он стал работать дипломированным врачом-терапевтом в районной поликлинике. Непреходящий интерес к тюркологии и востоковедению в 1947 году привёл его как первокурсника на филологический факультет МГУ им. Ломоносова, который он успешно закончил в 1952 году, получив диплом филолога-тюрколога. В 1957 году стал преподавателем на родном филологическом факультете на кафедре литературы народов СССР, читая курс по литературе народов Средней Азии.

Халык Короглы участвовал в составлении персидско-русского и русско-персидского словарей, изданных в 1957 году в Москве [1]. Он также был участником созда-

ния коллективного труда по литературе Средней Азии (1960), автором монографий "Огузский героический эпос" (1976), "Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана" (1983), "Шасенем и Гарып. Касым-оглан и другие туркменские народные повести" (1991), "Легенды и предания о пророках в Библии и Коране" (2001); составителем хрестоматии "Классическая восточная поэзия" (1991). Халык Короглы стал одним из двух редакторов второго тома "Истории всемирной литературы" (1984), посвящённого литературам средних веков и принимал активное участие в работе над многотомным сводом фольклора народов Сибири. Огромной популярностью в МГУ пользовался его спецкурс о Библии и Коране.

В 1968 году он опубликовал учебник "Узбекская литература" (второе, переработанное и дополненное издание, вышло в 1976) [2], в 1972 году – учебник для вузов "Туркменская литература", обобщивший многолетние исследования учёного по этой теме. Как писал автор, "Туркменская литература занимает внимание исследователей более четырех десятилетий, однако до сих пор не создана систематическая история литературы не только на русском, но и на туркменском языке" [3,3].

В советский период, когда туркменская литература впервые выделилась в качестве самостоятельного объ-

екта исследования, было издано несколько фундаментальных обобщающих исследований по её истории. Можно упомянуть некоторые диссертации, защищённые в 1950–х годах [4], и монографии, опубликованные в 1980–х [5], по различным периодам истории литературы. Среди обобщающих и учебных изданий можно назвать книгу П. Скосырева [6], а также изданные в Ашхабаде в конце советского периода учебник–хрестоматию по туркменской литературе [7] и учебник по литературе XVIII века [8].

Таким образом, можно сказать, что учебное пособие, которое было задумано Х. Короглы, как "первая попытка создания самостоятельного курса по туркменской литературе" [3,3], осталась важнейшим обобщающим трудом по истории туркменской национальной литературы.

В предисловии к книге автор оговорил особенности её содержания: включение в курс фольклора, опора на существующий критический материал, переводы и авторские лекции, которые он читал на филологическом факультете МГУ.

Содержание книги отвечает требованиям к учебным изданиям советского периода: она включает введение, посвящённое историческому и этнографическому описанию туркменской культуры, и три главы. Первая глава, "Литература до XVIII века", посвящена в основном фольклору различных этнических групп туркменского народа; вторая глава характеризует литературу XVIII – начала XX веков; третья глава описывает историю советской туркменской литературы, разделённую на четыре периода, и отдельный очерк посвящён творчеству знаменитого классика туркменской литературы Берды Кербабаяева.

Список литературы, данный в заключении, разделён на три подгруппы: источники идеологического характера, литературные и критические.

Введение, посвящённое исторической части, даёт несколько любопытных и спорных определений. Так, в нём определяется этническая принадлежность туркмен: "туркменский народ сложился в результате смешения древнейшего ираноязычного населения страны с тюрками, в этногенезе которых преобладали огузские племена" [3,7]. Уместно отметить, что, к сожалению, Халык Короглы всегда придерживался ошибочной версии далёкой от научной истины "отуречивания древнего ираноязычного населения", и неоднократно в разных своих научных работах повторял эти выводы.

Далее автор затрагивает тему многоязычия ряда средневековых поэтов – Саккаки, Лутфи, Алишер Навои, Джейши, Шани Такалу, и откровенно, что он не ставит целью национальное "размежевание" этих поэтов, предпочитая признавать единство древнего общетюркского культур-

ного наследия: "справедливо считать их творчество неотъемлемой частью поэтического наследия двух этнически близких народов – азербайджанцев и туркмен" [3,9]. В этом Халык Короглы проявляет научную точность и дальновидность, поскольку средневековые поэты, писавшие на фарси, действительно могли быть родом из тех или иных мест, но, тем не менее, они являлись частью общетюркского единого культурного пространства, обогащая персоязычную литературную сокровищницу средних веков.

Во введении автор обосновывает и впервые предложенную им периодизацию туркменской литературы, которая ложится в основу структуры книги:

1. до XVIII века, "когда разрозненные и часто враждующие между собой туркменские племена Средней Азии были тесно связаны с соседними народами, имея с ними одинаковый уклад жизни, одинаковое устройство общества и, следовательно, общность культуры и литературы" [3,14], то есть в период единства персоязычной среднеазиатской культуры;
2. "от XVIII века до победы Великой Октябрьской социалистической революции" [3,14], когда начинает создаваться литература на туркменском языке;
3. советская туркменская литература.

Древняя туркменская литература:
от фольклора
до письменных памятников

Изучение истории литературы любого народа необходимо начинать именно с фольклорного наследия, иной подход не может считаться вполне научно обоснованным. Поэтому автор историю туркменской литературы начинает именно с устно–поэтического творчества, рассматривая эпические сказания той поры, когда единая туркменская культура как таковая пока ещё не существовала. Существовали сказания и песни племён, которые в будущем составят основу туркменского этноса. Х. Короглы выбирает взвешенный подход, представляя читателю не весь объём среднеазиатского фольклора, а те фрагменты легенд и преданий, которые сохранились в туркменской литературе: например, о царице саков Зарине [3,16–17].

Он совершает краткий экскурс доисламских культов пратуркменских племён, в частности, останавливаясь на следах зороастризма у современных туркмен. Обзор исторических источников по этой теме приводит к заключениям о некоторых героях фольклора: "Противоречивость обрисовки дэва в туркменском народном творчестве (положительный и отрицательный образ, злое и доброе начало) объясняется тем, что для древнего населения Туркменистана он был божеством, но позже, по мере изменения верований народа, божественное начало превращалось в свою противоположность" [3,19].

В более позднем фольклоре отдельно рассмотрены автором героический эпос огузо–туркменских племён (огузнаме), эпические циклы "Книга моего деда Горгуда", "Короглы" и дастаны эпосы. Отдельно охарактеризованы письменные источники общетюркского периода.

Исследуя историю ряда средневековых памятников на тюркском языке, известных под названиями "Огузнаме", автор приходит к выводу о древности изложенных в них историй: об отражении периода до родоплеменной дифференциации тюрков, эпохи железного века (железное копьё Огуз кагана), тотемических воззрений древних огузов. Подытоживая черты "Огузнаме", автор заключает, что памятник "был составлен на территории Средней Азии, а возможно, на ранней родине огузов" [3,25], и отражает исторические события VI–XI веков.

В том же разделе автор характеризует с исторической и фольклорной точек зрения сочинение хивинского хана Абулгази "Родословная туркмен", доказывавшего происхождение туркмен от монголов. Этот документ сопоставлен с огузским героическим эпосом "Книга моего деда Горгуда". Автор утверждает ценность "Родословной туркменов" как исторического и фольклорного источника: здесь содержатся некоторые конкретные факты и "сюжетные легенды, являющиеся, очевидно, отрывками каких–то недошедших до нас сказаний–дастанов" [3,29].

"Книга моего деда Горгуда" также взвешенно характеризуется автором как наследие этнической и культурной общности: "Огузы вошли впоследствии как этнический компонент в состав туркмен, азербайджанцев и тюрков. Следовательно, памятник представляет собой общность культуры трёх народов" [3,33]. Двенадцать сказаний, которые составили книгу, подробно разбираются со стороны сюжетного строения, происхождения, исторических и топонимических характеристик. Автор заключает: "Первое "Огузнаме" напоминает богатырскую сказку, отдельные элементы которой указывают на её среднеазиатско–туркестанское происхождение" [3,33]; восьмое "Огузнаме", рассказывающее историю о циклопе, "в отличие от других имеет широкие связи с фольклором многих народов мира" [3,40], а последнее сказание носит исторический характер, повествуя о восстании внешних огузов (дыш) против внутренних (ич). Автор помещает историю памятника в рамки истории формационного подхода и заключает, что "Книга моего деда Горгуда" сложена в период раннего феодализма, однако в её текстах очевидны следы более древних периодов, вплоть до первобытнообщинного строя.

Охарактеризовав книгу вкратце, Х. Короглы переходит к вопросам её источников и художественным особенностям, указывая на жанровые особенности сказаний. В частности, отмечено, что художественным новшеством стало объединение прозаических и стихотворных частей (вторые, вероятнее всего, исполнялись под музыку). По-

дробно проанализированы особенности поэтического языка: использование синтаксических (параллелизм), художественно–изобразительных (постоянные и развёрнутые эпитеты, стилистические формулы) выразительных средств.

Автор учебника уверенно придерживается стратегии исторической верности, не пытаясь "присвоить" туркменскому народу окончательное авторство того или иного памятника. Так, говоря об эпосе "Короглы", он утверждает, что это один из вариантов эпоса, который "имеет несколько версий и нашёл отражение в фольклоре многих тюркских народов" [3,54]. Вероятно, что туркменская версия отражает более древний вариант сказания: она, "в отличие от западных версий (азербайджанской, турецкой и др.), содержит архаические элементы, связанные с родоплеменным строем" [3,56–57]. Герои эпоса – кочевники с архаичной демократической системой правления: в частности, вопрос о дружине народ решает на сходе, а соратники говорят с военачальником как с равным. Автор приводит ряд отличий туркменской версии от западных: например, в туркменской версии герой мстит не только за родных, но и за всё своё племя.

Анализируя финал эпоса и его топонимику в различных версиях, учёный приходит к любопытному выводу: "вероятно, что исторический прототип героя принадлежал к туркменскому племени теке, которое, как известно, в составе Сельджукидов в XI веке, а может быть и раньше нашло новую родину в горных пастбищах Азербайджана" [3,62]. И приводит доводы историков, подтверждающие вероятную историчность прототипа героя, джалалидского вождя.

Туркменский дастанный эпос, преобладающий в литературном процессе в XVI–XVII веках, "впитал все жанровые особенности дастанов древних иранцев" [3,68]. Автор останавливается на роли народного певца, ашыка–бахши, в культуре туркменов. Далее Х. Короглы приводит классификацию дастанов по происхождению на тюркско–огузские и заимствованные из персидской литературы, а также на индивидуальные (имеющие книжное, литературное происхождение) и народно–поэтические (местные сказки и легенды). Ряд дастанов подробно проанализирован с сюжетной и идейной стороны. В итоге, автор классифицирует дастаны на новеллистические (приключенческие, любовные) и героические (богатырские) жанры, выделяет постоянных героев: дэвы, пери, аждаха, змеи, птицы Симург; характеризует сюжетные и стилистические закономерности жанра.

Интересно замечание автора о том, что какая–то часть дастанов "подвергалась чуждым народу наслоениям, которые, впрочем, не проникали в ткань сюжета" [3,77]; так он обозначает образы из Корана и "взгляды и мораль господствующих классов". Следуя идеологичес-

ким запросам, автор отмечает, что исламские идеи о стоическом страдании "служили интересам духовенства и ханско-феодалной верхушки, воспитывали в массах инертность, безвольное подчинение судьбе" [3,78], хотя, как тонкий исследователь Корана, он не мог не оценивать культурной роли религии в судьбе туркменского народа. Но время безжалостно продиктовало свои идейные клише и такому маститому учёному как Халык Короглы!

В заключительной части первой главы автор останавливается на письменных памятниках периода, вновь подчёркивая единство культурной судьбы народов, живших от Алтая до Средней Азии до VIII–X веков: "исторически объективно рассматривать литературные памятники этого времени как общее наследие древнетюркских племён" [3,99]; ранняя тюркоязычная литература, по его замечанию, "ещё не отделилась от персоязычной литературы этого периода, хотя в ней уже можно проследить и сугубо национальные черты" [3,110]. Автор рассматривает древнейшие письменные памятники на фарси и тюркских языках, и характеризует виды письма, которые были приняты у этих племён и народов: руническая орохоненсиская (V–VIII века), уйгурский алфавит (с V века) и арабский алфавит.

Литература XVIII-начала XX веков:
устная поэтическая традиция

В начале этого сравнительно небольшого раздела автор приводит историческую справку, которая призвана обосновать отсутствие у туркмен собственной мощной литературы и культуры в течение длительного периода. Узбеки-шейбаниды завоевали плодородные земли, вытесняя туркмен в степи, в связи с чем "вплоть до предреволюционных лет туркмены жили в условиях патриархально-родового строя" [3,114]. В пределах Туркмении не было ни одного медресе, книги были редкостью; творчество поэтов распространялось устно, как и фольклор; только в конце XIX века в Туркмении и Узбекистане стали публиковаться антологии прославленных поэтов. Говоря о поэзии этого периода, автор находит необходимым вновь оправдывать мусульманские мотивы в ней, в частности, замечая, что низшее духовенство того времени в Туркмении было скорее знахарями, мало отличались от своих соплеменников, и потому "образы "низшей" прослойки духовенства получили положительные оценки в туркменской литературе прошлого" [3,116].

Х. Короглы останавливается на творчестве ряда поэтов данного периода. Он пытается уточнить даты жизни Махтумкули, факты его биографии, и выделяет в его наследии влияние суфизма, а также характеризует стилистические особенности и тематические приоритеты: любовная, патриотическая и философская лирика, дидактика и сатира. Вновь "оправдывая" религиозные мотивы в его поэзии, автор учебника пишет: "шаблонные мистиче-

ские символы религиозного экстаза в его произведениях переходят в настоящее поэтическое творчество, мистика не затеняет прелести его стиха, талант торжествует" [3,127].

Автор останавливается на произведениях ведущих поэтов-лириков XVIII века: Сеидназар Сеиди, Курбандурды Зелили, Мамедвели Кемине, Мырата Талыби. Более подробно освещён вклад в литературу поэтов, прославленных эпическими произведениями: Андалиба, Гурбаналы Магрупи, Шейдаи. Сюжеты и образы написанных ими дастанов и поэм подробно проанализированы. Как и ранее, автор считает необходимым оправдывать или отмечать религиозные настроения, естественные для поэзии периода: "Не находя правильного объяснения "неудобным богу" делам, поэт слепо повторял внушённую религией угрозу светопреставления" [3,162].

Среди поэтов XIX века освещено творчество Молланепеса, не только поэта, но и исполнителя-бахши. Автор подробно останавливается на художественных особенностях его лирики, отмечая творческое обогащение традиционных образов, новаторство формы стиха; описаны основные особенности дастанов поэта. Интересно описание процесса восстановления дастанов авторства Молланепеса на основании сохранившихся устных версий.

Ситуация устного бытования поэтических произведений привела к тому, что, как замечает автор пособия, "В истории туркменской литературы XIX в. известны имена десятков поэтов, о которых мы имеем весьма фрагментарные сведения" [3,172]. Более подробно автор останавливается на фигуре поэта Мискинклыча, "одного из ведущих поэтов туркменской литературы прошлого" [3,176].

Заключая главу исторической справкой, автор уточняет: к началу XX века собственно туркменский язык был в основном языком бытового общения; в Туркмении не было туркменских школ и не было учебников туркменского языка.

Туркменская
советская литература

Автор вводит принцип периодизации советской туркменской литературы по периодам: становление – 1917–1929, литература 30-х годов, военная литература – 1941–1945 и послевоенная литература; а также отдельно выделяет творчество Берды Кербабоева.

Автор даёт историческую справку: уже к 1925 году в Туркмении было открыто 508 школ, в 1920 году был начат выпуск первой газеты; все эти факторы привели к повышению роли печатного слова в обществе.

Как литературовед советской эпохи, Халык Короглы весьма высоко оценивал социалистический период истории. Он писал: "Наиболее прославленные поэты XX в. – Байрам-шахир, Кермолла (1872–1934), Молламурт (1879–1930), Дурды Клыч (1876–1950), продолжали традицию лучших представителей туркменской литературы прошлого, а после победы Великой Октябрьской социалистической революции встали на платформу новой власти, активно помогали её становлению" [3,177]. При этом если "дооктябрьское творчество этих поэтов не выходило за пределы давно установленных тем и жанров" [3,178], то после революции он видит их поэзию обновлённой, получившей небывалые импульсы к развитию.

Период становления туркменской советской литературы для автора связан с "формированием нового создания народных бахши" [3,178] и новой тематикой их творчества: воспеванием нового строя, просвещением масс, борьбой против "религиозно-адатных предрассудков", дружбой народов и появлением новых тенденций – поэты и писатели "разоблачали тех, кто мешал строительству нового государства" [3,181].

Принципиально новым героем литературы был объявлен советский человек, и показать его характер "старыми, традиционными формами туркменской литературы было невозможно" [3,181], что привело к внедрению в литературу новых жанров: рассказа, очерка, фельетона, повести, новых видов поэм, а также драматургии и детской литературы. Автор отмечает даты первых появлений новых жанров – "ростков туркменской советской прозы, которая активно проникала во все области жизни народа" [3,181–182]. Вместе с тем Х. Короглы подходит к этим пробам пера объективно, указывая на их дидактичность, схематичность характеров, публицистичность и эстетическую незавершённость.

Как отмечает автор, литература этого периода была злободневна и насыщена новыми темами: обличение знати и духовенства, раскрепощение женщины, борьба с устаревшими традициями – адатами, с привычной опимной зависимостью, а также интернациональная и индустриальная тематика. Интересно отметить, что автор учебника считал необходимым оправдать малое количество индустриальных произведений тем, что "туркменский рабочий был ещё связан вековыми патриархальными традициями, совмещая работу на заводе с земледелием и скотоводством", а "у поэтов, в свою очередь, не успели сформироваться чёткие представления о том предмете, который они описывали" [3,185].

Туркменская литература в 1930–е годы, по замечанию автора, была отмечена ростом писательского мастерства в области обобщения, типизации, решения социально-этических проблем. Основные темы литературы были продиктованы важнейшими процессами в респуб-

лике: развитием промышленности и коллективизацией сельского хозяйства, женским вопросом, а также борьбой с классовым врагом. Судя по тексту главы, произведения этого периода были также дидактичны и служили идеологическим задачам: "Произведения туркменских поэтов и писателей этого периода разъясняли, призывали, агитировали, они помогали забитому в прошлом народу освободиться от вековых традиций, понять, что новый строй стоит на страже интересов простых тружеников" [3,189]. Развивавшиеся драматургия и сценическое искусство также служили агитационным целям.

В этот период развивалась национальная пресса, на туркменский язык была переведена революционная проза А. Фадеева, Д. Фурманова, Н. Островского, и в туркменской литературе также развивалось прозаическое направление. Называя ряд новых имён туркменской литературы, автор подробно останавливается на творчестве некоторых из них. Повесть Аты Ниязова "Последняя ночь" охарактеризована как лучшее прозаическое произведение о туркменской деревне 1930–х годов. Представлены творческие биографии новеллистов-бытописателей Агахана Дурдыева, Нурмурада Сарыханова, прозаика Хаджи Исмаилова, поэта Шалы Кекилова, поэта и драматурга Ходжанепеса Чарыева, а также "одного из основоположников туркменской советской литературы" [3,203] Ораза Тачназарова – партийного деятеля, редактора, поэта. Автор завершил данный раздел главы словами: "Советский человек встаёт перед читателем во всём его духовном величии, раскрывается его индивидуальный мир, его отношение к обществу, быту и труду" [3,211].

Содержание литературы военной поры в Туркмении, по замечанию автора, "всецело определялось теми задачами, которые были выдвинуты справедливой освободительной войной советского народа" [3,211]. Среди авторов патриотической, антифашистской поэзии Х. Короглы называет поэтов Ата Салиха, Кара Сейтлиева, Дурды Халдурды, Рахмета Сейидова. Литературовед отмечает, однако, неправдоподобную основу ряда произведений и излишнюю гиперболизацию в них. В поэме Р. Сейидова "Патриоты" "автор плохо знает военное дело и поэтому иногда, описывая ход военных действий, ставит своих героев в ложные ситуации" [3,215]. Более точно писали о войне поэты-фронтовики Шалы и Аман Кекиловы, прозаики Х. Исмаилов, Н. Сарыханов.

Автор уделяет внимание написанному в военные годы, неоконченному роману Ата Каушутова "Мехри и Вепа", который ознаменовал первую попытку написать реалистический роман на современную тему в рамках туркменской литературы. Как отмечает литературовед, содержание его во многом шаблонно: "Роман написан неровно. В нём присутствует некоторая условность, риторичность описаний" [3,225].

Раздел о литературе военных лет вновь завершается утверждением позитивной роли туркменской литературы: "К достоинствам туркменской литературы военных лет можно отнести тот факт, что она убедительно и наглядно показала величие нашего советского народа, именно дружба народов явилась одним из решающих факторов успешного завершения войны" [3,225].

Литература послевоенного периода характеризуется автором как посвящённая восстановлению хозяйства, созданию правдивых образов строителей социализма.

Автор останавливается на ряде произведений, среди которых роман Ата Кауштуова "Бахар и Хошгельди" (позднее издан под названием "У подножья Копет-Дага") и его повести; поэма Амана Кекилова "Любовь", на стиль которой "большое влияние оказали стихи Пушкина" [3,229] и традиции дастанов. В литературе на индустриальную тему Х. Короглы выделяет повесть Хаджи Исмаилова "Упрямец", поэму "Амбал Аман" Якуба Насырли. Среди произведений на военную тему описаны повесть Р. Таганова "Огулай", рассказ Рахима Эсенова "Письма".

Наибольшим достижением литературы этого периода автор видит разработку историко-революционной темы, что "в свою очередь привело к зарождению большой литературы – романа-эпопеи" [3,233]. В учебнике обстоятельно освещены три романа-эпопеи советских туркменских писателей: "Решающий шаг" Б. Кербабаева, "Судьба" Х. Дерьяева, "Братья" Беки Сейтакова, которые "составляют своего рода историческую трилогию о борьбе с непримиримыми врагами трудового народа" [3,234]. Автор подробно описывает творческую биографию этих писателей и раскрывает художественные особенности их

крупной прозы.

Также автор уделяет большое внимание жизненному пути и творческому наследию поэта и прозаика Чары Аширова, кратко обзореживает развитие драматургии данного периода.

Заключительный раздел главы посвящён творческому пути Берды Кербабаева, которого автор называет одним из выдающихся писателей Туркмении: "В своих произведениях писатель поднимает наиболее важные проблемы действительности и даёт чёткие, сильные, твёрдые характеры" [3,282]. Начав писать как сатирик, Берды Кербабаев опробовал себя и в драматургии, но стал известен как прозаик. Со временем дидактизм и схематичность в его произведениях уступили место эпическому охвату и типизации действительности, что воплотилось в его историческом романе "Решающий шаг", который характеризуется автором учебника как новая веха в истории туркменской литературы.

"Туркменская литература" азербайджанца, профессора Халыка Короглы стала первым, и единственным до нынешнего времени, обобщающим академическим трудом на русском языке, в котором литература братского туркменского народа объединена в единый процесс и проанализирована как развивающееся во времени явление. Несмотря на определенную идеологическую окраску советского литературоведения в целом, данное издание даёт обширную и объективную картину развития туркменской литературы как единого явления, от фольклора до послевоенного периода, и по сей день остаётся востребованным, особо не теряя своей научной ценности и актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кормилов С.И. К 75-летию Х. Короглы// Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1994. № 4. с.67–68.
2. Короглы Х. Г. Узбекская литература. Москва, Высшая школа, 1976. 302 с.
3. Короглы Х. Г. Туркменская литература. Москва, Высшая школа, 1972. 286 с.
4. Аширов Н. Туркменская советская литература в период Великой Отечественной войны: автореферат диссертации кандидата филологических наук. Ашхабад, 1950. 23 с.; Рахмани Р. Туркменская советская литература предвоенных лет (1938–1941 гг.): автореферат диссертации кандидата филологических наук. Москва, 1955. 14 с.; Шакмурадов Б. Туркменская советская литература в годы довоенных пятилеток (1929–1941 гг.): автореферат диссертации кандидата филологических наук. Ашхабад, 1956. 22 с.
5. Хыдыров Е. М., Ильясов О. Древняя туркменская литература: в 2-х ч. Чарджуу, 1982; Дурдыев К. Очерки из истории туркменской литературы XIX века и начала XX века. Ашхабад, Магарыф, 1987. 280 с.; Атаев Н. Туркменская проза периода развитого социализма. Ашхабад, Ылым, 1981. 259 с.; Очерк истории туркменской советской литературы. Москва, Наука, 1980. 413 с.; История туркменской советской литературы: в 6 тт. Ашхабад, Ылым, 1984.
6. Скосырев П. Г. Туркменская литература: Очерк развития. Москва, Советский писатель, 1945. 155 с.
7. Язымов О., Прошина Г. П., Хонякова Э. В. Туркменская литература: Учебник-хрестоматия для 9–10-х классов школ с русским языком обучения. Ашхабад, Магарыф, 1986. 181 с.
8. Атаев К. Туркменская литература XVIII века. Учебник для филологических факультетов вузов. Ашхабад, Магарыф, 1988.